

ГЛАВА 1

Петр ехал в автобусе №3 с работы домой. Жил он в квартире, которую снимал у Офелии, актрисы Большого городского театра. Он был местным, но жить с мамой в ее трехкомнатной квартире в старой части Города не хотел. В 27 лет (27 ему должно было исполниться совсем скоро) есть желание самостоятельности, без маминых ужинов и расспросов в стиле «когда же ты найдешь себе нормальную девушку» и «ты задолбал со своими подопытными хомьяками, от них воняет». Найти съемное жилье ему помог Андрей, его друг. Офелия, как утверждал тогда Андрей, считалась близкой знакомой его отца, генерального директора «Gen-». Как позже узнал Петр, не просто знакомой.

В час пик автобус был уже плотно набит людьми. Так как Петр садился на конечной, то успевал занять место в хвосте, у окна. Автобус ехал, его двери то закрывались, то открывались, выходили и заходили люди, наполняя пространство какофонией голосов, обрывками фраз, приходящими на телефон сообщениями, звонками и видеороликами.

Петр слушал разговор двух женщин, сидящих напротив него. Не то чтобы ему было интересно, но, похоже, выбора у него не было, так как дамы разговаривали довольно громко.

— Все по**рено, по**рено! Меня уволили, работала себе спокойно на кассе в «Икеа». А теперь что? Сижу, доедаю деньги пособия, которое они выплатили за три месяца. Работы нормальной нет, а если что и предлагают, так и то

за сущие копейки. И ты считаешь, что все хорошо, и правильное решение приняло наше правительство по поводу этой войны — дама огляделась вокруг, — фу, спецоперации?

— Кто ищет, тот всегда находит. Учиться надо нужным профессиям, развиваться. Мой сын, вот, недавно в контору устроился, как ее, АйТи. Даже мне помогает.

— На одних компьютерах и блогерах этих страна далеко не уедет. Производство нам нужно, заводы же стоят! — не унималась первая дама.

Плечо Петра прижала сумка пожилой женщины. Напротив стояла девушка, которая что-то читала на мобильном телефоне и тихо смеялась. Старик разговаривал с маленькой собакой, сидящей у него на коленях. Двое молодых людей с азиатскими чертами лица в грязной одежде: видно, что работают на стройке, что-то обсуждали очень живо на чужом языке.

Людей было так много, и они были такие пестрые, что Петр начинал задыхаться. Он вдохнул и выдохнул, вдохнул воздух общего движения и выдохнул легкий налет паники, которую он много раз ощущал в переполненном людьми автобусе. Уже почти полгода он работал на окраине Города, в новом районе, который местные называли гетто. Здесь было построено огромное здание научно-исследовательского института, где занимались изучением вирусов, разработкой вакцины против Covid-19 других мешающих роду человеческому жить вирусов. В научно-исследовательском институте имелись также секретные отделы, но чем они занимаются, Петр мог только догадываться, потому что не имел к особо охраняемому третьему этажу доступа. Специалисты же, работающие в этой зоне, подписывали бумаги о неразглашении информации.

Молодой человек уже привык к постоянной давке и к тому, что личного пространства здесь нет и быть не может. «В его Стране, — думал он, — вообще не может быть личного пространства. Ты себе никогда не принадле-

жишь полностью». К отсутствию личного пространства он привык с детства: «О, любящая, гиперзаботливая мама, спасибо тебе!» И когда он встречался с чьим-то плечом, или рукой, или сумкой, ему становилось легче — он кожей ощущал, что не один. Он всегда ощущал кожей, потому что глазам перестал доверять, глаза могут обмануть, а кожа — никогда. Одиночество Петр ненавидел. Людей тоже, но их тела любил, потому что они были живые и теплые. Любил давку: чем больше давки, тем больше жизни. Он чувствовал дыхание Аида в этих вонючих, медленных тварях, которые назывались автобусами, и в этом жужжании, как в рое пчел, людей — просто невыносимо, особенно летом. Уши закладывало, и что-то взрывалось в мозгу, разлетаясь на мелкие осколки, предательски врезавшиеся в кожу. Живые люди, которые давили его со всех сторон, убивали и воскрешали, возвращали к жизни — он опять собирался, и каждый раз по-новому. Каждый раз, выходя из автобуса, он ощущал себя собранным заново из обломков других людей, и каждый раз точка сборки была в новом месте.

Автобус остановился на Главной улице, и молодого человека вместе с другими людьми вынесло из многострадальной машины городского транспорта. Бури чувств и ощущений Петра со стороны, конечно, было не видно, со стороны казалось, что он просто вышел вместе с толпой.

С дорожной сумкой через плечо он быстро шел по раскаленной улице, где не было ни одного деревца, думал о людях, автобусах и личном пространстве, когда его раздумья резко прервал хриплый, просящий вопрос:

— Эй, парень, мелочи какой не найдется?

Бомж. Петр несколько секунд смотрел на него, пока рылся в рюкзаке в поиске денег, потом достал пару смятых сотенных купюр и протянул мужчине. Тот резво засунул деньги в засаленный карман драной рубашки.

— А ты куда путь держишь? Хочешь провожу? Кто его знает, что тебя ждет, когда ты придешь?

Петр не отвечал, не потому что бомж был ему противен, а потому что было не интересно.

— А ты не похож на многих других, — продолжал человек без определенного места жительства.

— Потому что я дал тебе денег?

— Нет. Деньги мне многие дают. Но они дают, чтобы я отвязался от них, чтобы не воняло рядом с ними. Все боятся бомжей, потому что внутри каждого из них такой бомж. Смотря на меня, они узнают себя.

— Я не силен в психологии людей.

— Поживи с мое на улице, станешь психологом. Ты хочешь знать, что ждет тебя сегодня в конце твоего пути?

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Но я могу сказать.

Петр посмотрел на мужчину, пытаясь понять, зачем тот затеял этот разговор. Может, денег еще хочет?

— Больше денег у меня нет.

— Да не нужны мне твои деньги. Все со всеми связаны. Может, мы встретимся еще на том или этом свете. И я тебе послужу, раз пока не хочешь.

Петр повернул с Главной улицы на Прогулочную, бомж не отставал.

— Ты быстро идешь, боишься не успеть? Ты уже опоздал.

Он остановился, взял Петра за руку, из кармана штанов достал бутылку пива и засохшую рыбу:

— Пиво будешь? С рыбкой?

Не дожидаясь ответа, засмеялся и убежал прочь. Летом бомжи становятся особенно загадочными, видимо, так на них действует городская жара.

Почти сразу же Петр оставил мысли об этом инциденте и ускорил шаг. Возможно, если он поторопится, то столкнется с Офелией в ее любимой кофейне «Кофеман», единственном месте в Городе, которое она посещала по вечерам регулярно, когда не было репетиций.

Петр был влюблен в Офелию, как мальчишка, коим его и воспринимала Офелия. Она его часто так и называла: «мой мальчик», хотя ему это не очень нравилось, потому что подчеркивало разницу в их возрасте: Петру было почти 27, Офелии 45.

В кофейне Офелии не было. А он так хотел увидеть ее хотя бы мельком, как будто случайно, как в прошлый раз, несколько дней назад. Тогда Офелия сидела на летней веранде с подругой, тоже актрисой. Он шел к ней домой, чтобы подарить цветы (сам он мертвые цветы не любил, он вообще боялся покойников, несмотря на то, что был биологом). Женщины сидели спиной к нему, поэтому не заметили, как Петр подошел и сел через один столик за ними.

Спутница Офелии говорила очень громко:

— Ты сегодня была неподражаема на репетиции! То, как ты играешь — гениально! Понятно, почему он выбрал именно тебя на главную роль в «Закате цивилизации». У тебя было с ним что-нибудь? Судачат.

Офелия ответила сдержанно, явно не разделяя веселого настроения своей подруги.

— Если бы было, ты бы узнала первая. Нет, конечно. Я может быть, и не против, восхищаюсь его талантом. Но ты же знаешь, что он верен своей жене! Да и к тому же мой самый главный поклонник, ну ты понимаешь, о ком я, наш великолепный Гоги, — Офелия картинно закатила глаза, — был бы от этого явно не в восторге.

— А ты заметила, что в последнее время режиссер много говорит об атомной войне и постоянно пугает тем, что скоро всему, к чему мы привыкли, придет конец? Иногда это мешает работать.

Вдалеке раздался одиночный выстрел, от которого многие за столиками вздрогнули.

Офелия голосом диктора вечерних новостей подытожила произошедшее:

— Это был не взрыв, а хлопок.

Подруга ее поддержала:

— Да, а еще отрицательный рост вместо падения, задымление вместо пожара и традиционные ценности, а не гомофобия, ксенофобия, милитаризм, псевдопатриотизм в одном флаконе. Новояз!

Подруга Офелии так громко, с чувством и профессионально поставленным актерским голосом говорила, что люди, сидящие за соседними столиками, оборачивались. Подошел официант и попросил не выражаться в их кафе:

— Пожалуйста, здесь же дети!

Актриса, уже тише:

— Когда я, б**ть, материлась пять минут назад, цитируя Луку Мудищева, ни одна порядочная сволочь не повернулась. А тут даже официант пришел. Волшебные слова, не иначе. Хотя, если посмотреть вокруг, кажется, что войну никто не замечает. Какой-то пир во время чумы.

— Не война, а спецоперация. — поправила ее Офелия, ехидно улыбаясь. — Ну ты же сама среди тех, кто пирует во время чумы. И вообще, не у нас же воют. Соседняя Страна далеко.

— Ну как же далеко? Всего лишь в нескольких сотнях километров.

— Так рядом же не Соседняя Страна, Соседняя Народная Республика.

— Ну так тем более.

Офелия водит пальцем по странице меню:

— Пожалуй, закажу, себе кофе «Дмитрий Анатольевич» со сливками и апельсиновой цедрой.

— Это реклама нашего заместителя председателя Совета Безопасности? — не унималась собеседница.

Официант, убирая пустую посуду со столов:

— Все совпадения абсолютно случайны. Мало ли дмитриев анатольевичев? У нас так, например, директора зо... — официант не успел договорить, так как у него из рук вы-

скользнула грязная посуда. Он выматерился, потом извинился.

— Ну вы держитесь там, — вслед ему прыснул молодой человек с соседнего столика.

— И только искусство вечно! — подытожила Офелия, поправляя черную копну волос.

Петр решил, что нехорошо вот так сидеть и подслушивать, если заметят, может выйти неловко. Он встал, подошел к дамам: в руках букет цветов, лицо нарочито серьезное. И хотя он уже не раз видел Офелию голой, но сейчас на одетую не мог поднять глаз, быть может потому, что мысленно все время ее раздевал. Он подумал о том, что надо как-то переключить внимание — в любой момент могла начаться эрекция.

— Искусство вечно, но наука нужнее. Не хочу вас обидеть, дамы, но безликое греческое наследие не сможет вас вылечить от коронавируса или рака, — пытаюсь вложить в свои слова как можно больше серьезности и пафоса, вклинился Петр в разговор.

На лице Офелии появилась искренняя улыбка. Есть! Она рада ему! Это придало Петру смелости.

— О, это вы, мой преданный друг! — и, обращаясь к подруге, представила его. — Мой квартирант. Я тебе говорила, что сдаю мамину квартиру? Ну и немного поклонник моего таланта. Молодой ученый!

Петр:

— Офелия, вы мне льстите, я всего лишь лаборант.

— Но какой талантливый! Я в курсе ваших работ по ночам, соседи рассказывают, что у вас ночью горит свет.

Подруга Офелии с интересом разглядывала Петра, как натуралист разглядывает новый вид зверушек.

— Это нынче в моде: ругать искусство и восхвалять науку. Как будто они должны исключать друг друга! — с вызовом начала женщина. — И что вы нам скажете, дорогой мо-

лодой ученый? Настанет когда-нибудь такое время, когда люди перестанут убивать друг друга?

— Я не психолог, я биолог.

— А чем вы занимаетесь как биолог?

— Я работаю в лаборатории в научно-исследовательском институте. Делаем там вакцины от разных вирусов. А я лично приношу пробирки и слежу, чтобы они всегда были в доступе и стерильны.

Подруга Офелии с недоверием в голосе продолжала:

— А, может, вы там биологическое оружие разрабатываете? — пылливо вглядывается в Петра, потом переводит взгляд куда-то вдаль. — По всему видно, что скоро и у нас начнется ад, я очень обеспокоена и все время думаю о том, что нужно уезжать отсюда куда-нибудь подальше. Только вот на какие шиши? Да и кто меня там ждет в этом подальше? Меж тем провластные шавки становятся все наглее. В их лицах видна тупая охваченность чем-то нечеловеческим.

Петр немного смутился от ее резкого тона и начал оправдываться:

— Это охваченность большим движением истории. — сделал небольшую паузу. — Да, сейчас всем тяжело. Но самое главное, что грядет справедливый новый мир! Прекрасный новый мир, я надеюсь!

Подруга Офелии саркастично:

— Извини, но ты дурак? Какой справедливый и новый мир? Те, кто начал войну, пытаются сохранить старый мир, который уже почти сдох. Это архаика, пытающаяся убить модерн. Кто сделает этот прекрасный новый мир? Старик и его неповоротливые, необразованные прихлебатели?

Петр не ответил на этот риторический вопрос. А подруга Офелии продолжила, похоже, смущение молодого человека ее раззадорило еще больше.

— Ты вообще новости читаешь? К чему все эти смерти на войне? Эти жертвы Молоху? Чтобы разваливающиеся

идиоты дольше держались у власти? Денег им мало, им надо остаться в истории! Геростратова слава!

Офелия пыталась возразить, но ее подруга эмоционально продолжала:

— Власть — это наркотик, особенно в старости. Вы думаете, что вам, молодым, дадут дорогу? Ты думаешь, просто так ты моешь свои пробирки, хотя мог бы заниматься действительно чем-то важным? Старость боится молодости, поэтому эту войну и начали. И вряд ли те, кто сейчас попивает кофе, будут делать вид, что ничего не случилось, когда танки пройдут по Главной улице Города. Вы что Петр, за эти скрепы и старую власть? Вы же молоды, у вас должны быть надежды, планы!

— Когда я говорю про прекрасный новый мир, я имею в виду мир более далекого будущего, когда мы научимся генномодифицировать нас с вами — объяснялся молодой человек.

Офелия со скучающим видом листала страницы в своем телефоне, потом подняла голову и спросила Петра:

— А Вы придете на премьеру? Это будет что-то невероятное. Я Вам обещаю. Впрочем, не буду раскрывать тайны. Сами все увидите.

Слух Петра резануло это «Вы», но он старался не показывать виду, что его оно задело:

— Да, Офелия, я планировал быть. Я не могу пропустить спектакль, где Вы, — он сделал акцент на «Вы», — играете главную роль. Да и название интригует — «Закат цивилизации».

Петр подумал о том, что ему как-то неловко дальше здесь сидеть, он превратился в мишень для подруги Офелии. И когда рядом кто-то есть, он совсем не чувствует близости с Офелией. А это даже больнее, чем быть мишенью. Совсем другое дело, когда они вдвоем. Тогда есть такое ощущение, как будто они превращаются в одно целое. И нет между ними границ.

Он встал.

— Мне надо идти — дела. Вот, остановился, чтобы порадовать вас этим букетом. До встречи на спектакле! — протянул букет и удалился.

Петр ушел и уже не слышал разговор двух подруг. Но, возможно, в нем и не было ничего интересного. Офелия, посмотрев Петру вслед, с нотками заботы, но и легкого снобизма произнесла:

— Милый мальчик, неухоженный только.

— И опасный, надо сказать. — резюмировала разговор подруга. — Помяни мое слово, такие петры, если вовремя не женятся, могут наделать очень много нехороших дел. Не удивлюсь, если завтра он приставит тебе к виску пистолет за то, что ты интересуешься искусством, а не наукой.

— Да это ты на него нападала, а он пытался как-то выкрутиться, больше молчал.

— В том-то и вся проблема. Молчание порой хуже пистолета. А этот Петр, он настоящий ухажер или так, только цветы дарит? Я имею в виду, у тебя с ним что-то было?

Офелия многозначительно промолчала, смотря в свой стакан с кофе.

— Ты где витаешь, в каких облаках? Так было ли у тебя что-то с этим ученым-лаборантом?

Офелия рассмеялась:

— Нет, конечно. У меня с ним ничего не было — он младше меня на 18 лет. Я, конечно, прогрессивных взглядов, но не настолько же! Да и чем он может меня привлечь? Дешевыми цветами? Нет, не было у меня с ним ничего.

Подруга Офелии с некоторой завистью в голосе:

— У тебя много поклонников, и я подумала, а вдруг ты решила себе завести ради интереса молодого любовника, а почему бы нет?

Офелия, смотря в лицо подруге:

— Я сейчас вообще никого не могу себе завести, кроме Георгия! Знаешь, какой он ревнивый. Следит, чтобы я по-

меньше разговаривала с интересными людьми. Просто разговаривала! Он даже к нашему режиссеру меня ревнует! К этому святому человеку! Да что там к режиссеру, он меня к своему 25-летнему сыну ревнует! Хотя тот, надо сказать, не промах.

— Андрюша! Да, весьма милый молодой человек, когда молчит. А делает он это редко.

Этот разговор Петр не слышал, а если бы слышал, ему было бы неприятно узнать, что он «милый мальчик» и у него «нет ничего» с Офелией. Он не любил вранья.

Идя по Прогулочной улице, мимо знакомых до баннерной слепоты объектов городской инфраструктуры, Петр подумал о том, что на сегодня хватит взаимодействия с людьми и их белым шумом. Ему хотелось забраться в свой звуковой кокон. Таким коконом для него были наушники и музыка в телефоне. Он поставил свой плейлист и отгородился от мира.

Сейчас он как раз проходил мимо Большого городского театра, того театра в котором работала (как она говорила, служила) Офелия. Последний раз он здесь был около двух недель назад, когда специально для работников «Gen-~~А~~» давали спектакль на патриотическую тему, Петр даже забыл его название. Генеральный директор Георгий считал, что искусство развивает мозг и приводит к инсайтам, а значит, полезно для научного потенциала центра. Спектакль был неинтересным, Петр его уже почти забыл, но ярко помнил то, как они с Офелией после спектакля в подсобке занимались любовью.

Перед глазами Петра очень отчетливо встала комнатуха — там хранился уже отживший свое, но еще не отправленный в утиль театральный реквизит. Сколько ненужного хлама! И в окружении этого хлама белое, ярко-белое тело

Офелии, мягкое и податливое. Молодому человеку очень нравилось его мягкость, оно успокаивало его, как теплое одеяло, в которое он зарывался, когда был маленьким.

В тот вечер Петр нашел Офелию в дверях уборной и попытался затащить ее в кабинку. Но она сказала, что знает более подходящее место, где их никто не увидит — так они оказались в подсобке с свою жизнь театральным реквизитом.

— Я все время думаю о тебе. С ума схожу, даже на работе, когда рассматриваю ДНК рыбы в пробирке, — шептал Петр на ухо возбужденной Офелии.

— А когда рассматриваешь ДНК змеи, то это возбуждает тебя меньше? — как будто пытаясь оттянуть момент их близости, шутила Офелия.

— Да, потому что ты не похожа на змею, ты похожа на рыбу. Особенно, когда открываешь рот, — он впился своими губами в ее губы.

Офелия немного сопротивлялась, но больше из удивления его напору, чем нежелания слиться с ним в едином порыве телесного притяжения.

— Нас могут увидеть, а я не хотела бы, чтобы Георгий узнал, он убьет нас обоих.

Петр продолжает целовать ее.

— Плевать я хотел на Геогория. Ты моя. Он старый хрен, который думает, что все принадлежит ему, так как у него много денег. Он купил тебя? — снимает с нее блузку, потом бюстгальтер.

Она сдается. Петр смотрит в ее большие рыбы глаза, гладит ее черные волосы, снимает свою рубашку, трется голым торсом о ее мягкие груди, целует их, опускается ниже.

Секс происходит быстро. Офелия не успевает опомниться, когда Петр уже кончил на уродливую порванную маску, изображающую мужское лицо в злой гримасе, несколько напоминающее нынешнего министра обороны Страны. Он за-

вершает их секс пальцами, которые, погружаясь в Офелию, доводят ее до оргазма.

Уже в самом конце, едва она успела издать тихий стон, дверь открыли с обратной стороны. Это был Андрей.

— Батюшки Иисусе! Ребята, вы бы нашли другое место. Я подожду тебя, Петр, снаружи.

Петр вышел из подсобки, и еще через какое-то время Офелия, которая привела себя в порядок, но легкий флер запретного секса еще витал вокруг ее мягкого тела. Петр скривился, когда она обратилась к Андрею:

— Андрюша, я надеюсь на твою порядочность и любовь к папе. Ты же ему ничего не скажешь, правда?

Андрей широко и хитро улыбнулся:

— Насчет порядочности и любви к папе, это ты не по адресу. Но я ему ничего не скажу. Думаю, он мне просто не поверит. Мне и самому сложно поверить. Да и зачем мне лишние проблемы? — повернувшись к Петру. — Ну Петр, ну братец, удивил! Ты бы другое место выбрал. Вас мог застать кто угодно. Поверь, моему отцу эта картина не понравилась бы. В гневе он способен на многое. Да он бы мог вас на месте пристрелить. Держи своего дружка в узде.

Офелия ушла. Петр смотрел ей вслед, а потом, все еще находясь под воздействием окситоцина, процедил сквозь зубы, обращаясь к Андрею:

— Сколько он ей платит?

Андрей помолчал, а потом сказал:

— Эээ, может ты мне объяснишь, что здесь происходит? Ты давно с ней это?

Офелия, все еще разобранная от погружения Петра в нее и себя в него, вошла в залу, в которой проходил банкет после спектакля.

Следующую картину Петр вспомнить бы не мог, так как не видел этого. Но если бы последовал за Офелией, то обратил бы внимание на Георгия, который сидел за столом, пил воду и следил за гостями своими острыми южными глазами. Жил Георгий в Городе с 12 лет, но родился в другой стране, которая тогда была еще частью Союза Нерушимых Республик. Его отца перевели по партийной линии — так он оказался здесь, в Городе. В молодости, когда распался Союз Нерушимых и наступила в каком-то смысле преступная анархия, Георгий сколотил огромное состояние. Сейчас он считался богатейшим человеком Города, и даже губернатор и мэр записывались к нему на аудиенцию заранее.

Ходили слухи, что он приложил руку к пропаганде и проплачивал ту липкую смесь патриотизма и деградации, которые лились с экранов телевизоров. Можно было подумать, что это была дань самому главному патриоту Страны, с целью удержать свои миллиарды. Но на самом деле Георгий верил в особый путь народа Страны, несмотря на то, что сам этнически относился к другому.

Однако настоящей его страстью, тем, что увлекало его больше всего, на что он готов был тратить свои кровно заработанные миллиарды, была гениальная инженерия. Он долго добивался того, чтобы власти одобрили постройку уникального научно-исследовательского института в Городе. В Институте изучали вирусы и разрабатывали вакцины. Тогда он дал не одну взятку. Он хотел, чтобы этот институт был только здесь, под его началом. Так он хотел отблагодарить Город, который сделал его тем, кем он стал. Во время анархии после распада Союза Нерушимых ему не удалось закончить биофак, пришлось вытаскивать свою семью из той разрухи, которая навалилась на всех, в том числе и на него. Сначала он вывозил из-за границы списанные компьютеры и продавал их на рынках Города. А потом пошло-поехало.

Компьютерные дела давно были забыты. Сейчас он занимался наукой, строительством и политикой, будучи мест-

ным депутатом. Высшее образование он впоследствии купил, пришлось купить юридическое, а потом кандидатскую степень по юриспруденции. Так надо было для дела, для движения по карьерной лестнице, для капитала. Он любил читать, особенно фантастов, Беляев был его любимым писателем. А еще он почитывал книги по генной инженерии, правда, ничего в них не понимал, но химические формулы завораживали. Теперь он мог себе позволить целую сеть лабораторий, оснащенных по самому последнему слову техники. Все для одной цели — найти способ управлять людьми на генном уровне.

Офелия тихо подошла к столу и села рядом с Георгием. Он взглядом, которым орел выслеживает свою добычу, осмотрел ее с головы до ног, взял за руку и повел на середину зала, чтобы потанцевать. Сопротивляться было бесполезно. Танец становился все более горячим. Георгий, держа ее выше локтя, крепко сжимая кожу:

— Где ты была так долго? Я уже хотел послать тебя искать.

Офелия, стараясь не показывать свое замешательство и выдавливая из себя флер произошедшего секса, проговорила:

— Мне стало нехорошо, я была в уборной.

— Почему ты растрепана?

— Я же говорю тебе, было плохо. Была в уборной.

— Ты от меня что-то скрываешь. — резко хватает ее за талию, ведет в танце.

Офелия даже не пытается вырваться:

— Мне больно. Прекрати.

Георгий продолжает вести:

— Я знаю, ты любишь пожестче. И — более ровным тоном — У меня есть для тебя важное дело. Сегодня у нас серьезные люди. Надо передать им кое-что.

Возможно, если бы Петр пошел за Офелией, он услышал и увидел бы все это. Но он разозлился на то, что Офелия покинула его, поэтому, не попрощавшись, ушел.

Потом он объяснял это тем, что у него просто разболелась голова, и он больше не мог находиться на этом празднике искусства.

За всеми воспоминаниями Петр не заметил, как дошел до дома Офелии, хотя собирался идти в свою съемную квартиру. Ноги сами привели его к ней. Он не знал наверняка, дома она или нет. А что если она не одна, и Георгий у нее? Ну и что? Значит, пришло время раскрыть карты. В конце концов что будет? Ну уволит он его с работы. Это, конечно, хорошее место, лучше в Городе по своей специальности он найдет вряд ли. А может, оставить все, как есть? Офелия, кажется, сама не очень хочет афишировать их отношения. Интересно, какие у нее для этого причины? Что-то не очень верится, что дело в деньгах или возрасте Петра.

Молодой человек подошел к подъезду, где жила Офелия, остановился, не решаясь позвонить в домофон. Дворовый кот терся у его ног. Петр погладил его, вытащил из сумки кошачий корм и высыпал на землю. Он всегда носил с собой что-то для кошек и подкармливал бездомных пушистиков.

В наушниках пропихало сообщение в мессенджер — Андрей. Спрашивает, какие у Петра планы на вечер.

— Еще не знаю, — пишет Петр.

Андрей (голосовое сообщение):

— А ты где? Не дома же, я тут решил зайти к тебе, надо пару вопросов обсудить, а тебя нет.

— Какая разница?

Андрей (голосовое сообщение):

— Так, полагаю, ты у Офелии, а значит, вечером ты будешь занят. Ладно, развлекайся. Расскажешь потом про свою несравненную, удивительную даму бальзаковского возраста и про ваши ролевые игры. Ну раз ты сегодня занят, пойду с Эллочкой на расстановки, не знаю что это, но Эл-

лочка говорит, что какая-то крутая современная психологическая практика. По мне, так вся эта психология фигня какая-то. Но иногда приходится исполнять прихоти других, чтобы получить от них то, что хочешь. Хорошо хоть не в торговый центр меня тащит. До встречи!

Петр положил телефон в карман, снова погладил котика. Медлит. Смотрит на окно кухни Офелии. Шевельнулась штора? Дома. Его опять охватило желание обладать ею, и он почувствовал эрекцию. Мимо прошла какая-то бабуля и с удивлением посмотрела на него. Петр понял: летом в шортах очень видно, когда у мужчины эрекция. В наушниках, которыми он закрывался от внешнего мира, звучала песня «Жизнь и смерть».

В шумной толпе переполненной улицы,
Сбившись плечами, как твердь в твердь.
Так, что даже отрывались пуговицы,
Смотрят друг в друга Жизнь и Смерть.
И Жизнь ухватилась рукой за перила
Сказала: «Простите, я могу Вам помочь?»
И Смерть внезапно заговорила,
Вместо того чтобы скрыться прочь.

Та самая, которая играла у Офелии на кухне, когда случился их первый, сначала стыдливо-испуганный, а потом жестко-нахальный секс.

Смерть сказала: «Жизнь, я тебя люблю.
Я смотрю на тебя и, волнуясь, немного робею.
Хочешь, я ради тебя всех их убью?
Я бы сделала что-то еще, но я не умею».

В тот вечер Петр пришел к Офелии, чтобы отдать коммунальные счета и деньги за квартиру. Офелия встретила его в шелковом красном халате и с ярким макияжем. В волосах нагло кричал о красоте своей хозяйки красный мак.

— Не успела умыться и переодеться после домашней репетиции. Я всегда репетирую при полном параде. Ты квитанции принес? — вместо приветствия сказала Офелия.

— Да. — он протянул квитанции.

Их руки на мгновение встретились. Прикосновение кожи к коже вызвало у Петра легкую дрожь. Офелия задержала свою руку в руке Петра, перед тем как взять бумажки.

— Чаю хочешь?

Петр не хотел чай, он вообще любил кофе, а чай не очень, но он был не против еще побыть с Офелией, поэтому сказал, что хочет.

Они сидели на кухне. Неловкое молчание первой нарушила Офелия странным, казалось бы, вопросом:

— А ты веришь в прошлые жизни?

Петр часто думал о том, что жизнь не может быть концом всему, но ни с кем это не обсуждал. Его скептический научный мозг требовал доказательств. Он перечитал все возможные исследования на эту тему, и особенно его заинтересовало предсмертное состояние человека и состояние сразу после того, как аппараты фиксируют смерть. Он знал о том, что первыми умирают клетки мозга — они наиболее чувствительны к нехватке кислорода. Но некоторые нервные клетки способны жить настолько долго, что человек продолжает что-то чувствовать и даже думать. А вот что после? Когда тело полностью умирает?

— Не знаю. Научно ничего такого не доказано, но наука еще слишком не развита, чтобы отвечать на вопросы о человеческом духе. А почему вы спрашиваете?

— Да вот подумываю о том, не самоубиться ли как-нибудь, — сказала буднично Офелия, налила Петру в кружку заварку, добавила туда пару листочков мяты, лимон и продолжила. — Моя жизнь бессмысленна, театр давно не приносит мне радости, живу, как со стороны кажется, вроде бы насыщенной жизнью, но зачем это все? Мне иногда хочется

уйти из этого мира. Но я трусиха. Мне жалко это бренное, уже не молодое, увядающее тело.

Петр удивился такой откровенности и даже немного испугался ее.

— У вас прекрасное тело, не наговаривайте на себя, вы выглядите лучше, чем большинство моих ровесниц. Многие расстроятся, если вы решите покинуть этот мир.

Офелия, стоя к нему спиной, тихо произнесла:

— А ты?

— А я в особенности, — Петр посмотрел ей прямо в глаза, когда она повернулась. В ее рыбки, широко распахнутые глаза.

Офелия не стала ждать еще каких-то знаков, она положила свою руку на бедро Петра. Медленно, но бескомпромиссно рука поднималась выше, к паху молодого человека. Ремень его брюк она расстегнула быстро и уверенно. Петр уже был готов. «Лишь бы не кончить прямо в штаны», — пронеслось у него в голове. Офелия продолжала хозяйничать в его брюках.

— Я так рада, что твое тело мне отвечает. У большинства мужчин от страха пропадает эрекция в первое близкое свидание со мной. Я уже к этому привыкла. А у тебя все в порядке. Видимо, есть в тебе что-то особенное.

Петр неуверенно пытался избавиться от руки Офелии, одновременно мямля что-то о том, что, может, не надо, и что после этого все не будет прежним. Но не смог. Только стон, тихий, хриплый и освобождающий, вырвался из его груди. И он сказал вслух:

— Такое ощущение, что я ждал этого несколько тысяч лет.

— Четыре, — улыбнулась она, скидывая с себя халат на пол, оставшись совершенно нагой. Только красный цветок украшал ее черные волосы.

Петр с робкой страстью поцеловал ее.

— Прости.

— За что простить? Это делаешь это очень нежно, страстно и робко. Прекрасное сочетание. И даже немного возвращает меня к жизни, — прошептала она игриво. — Ты что-то странное делаешь не только с моим телом, но и с моей волей. Я не могу тебе сопротивляться. Да и не хочу.

Зрачки зеленых глаз Петра, как черная дыра, захватывали внимание Офелии, в них появилась не характерная для него жесткость, что-то почти дьявольское, жаркое и огненное. Отрывистые движения бедер. Тело Офелии подчинено ему. Он может сделать с ней все, что захочет. Петр хватается ее за волосы, сминает мак, бросает на пол. Его дыхание становится все чаще. Она вскрикивает. Кончил. Она не успела.

Петр очнулся, виновато посмотрел на Офелию. Она ровно, поднимая смятый цветок, сказала:

— В следующий раз у меня тоже получится.

Быстро оделась и направилась в ванную. Когда вышла, Петр уже допил чай.

— Забыла тебе предложить к чаю козинаки, хочешь?

Петр прыснул от смеха:

— Уже нет.

Офелия с мнимым сожалением в голосе:

— Слушай, мне нужно через полчаса уезжать. У меня встреча.

— А можно я побуду с тобой, пока ты собираешься? — он не хотел уходить.

— Побудь. Но собираюсь я быстро.

Офелия переодевалась молча, Петр на нее смотрел, ему не хотелось ничего говорить, только наблюдать. Но сказать что-то надо было.

— А насчет того, что нас ждет после смерти, есть у меня одна мысль. Можно ввести человека в особое состояние сознания, по всем физиологическим признакам, похожее на предсмертное. И есть шанс увидеть, что происходит у человека в голове.

— А может, это не только в голове. Может, мозг — это всего лишь приемник. А самое важное происходит где-то в другом пространстве, — подхватила Офелия. Видно было, что тема ей интересна. — В некоем пространстве между жизнями.

— Я экспериментирую с веществами, ну, в смысле разрабатываю их. На хомьях уже испытал, и все показатели их мозговой активности совпадают с мозговой активностью, которая отмечается в предсмертном состоянии. Но хомьики же не расскажут, что там они видели.

— Ты в «Gen-» что ли эти вещества разрабатываешь?

— Нет. Кто бы мне дал там эту работу делать? Дома.

— Так ты что, мою квартиру в лабораторию превратил?

Петр замялся.

— Б**ть, Петр, надеюсь, с квартирой все в порядке? Надо прийти проверить.

— Да я аккуратно работаю. Я же не взрывчатые вещества там испытываю.

— А это законно вообще? Ладно. Я тебе обещаю, что когда умру и попаду на тот свет, я дам тебе знак, попытаюсь как-то передать тебе секретную информацию, — она засмеялась. — Надеюсь, там это не подпадает ни под какую статью о фейках.

Офелия действительно быстро оделась. Сейчас на ней были джинсы и белая майка с портретом Бродского и надписью «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку».

— Ну все, можно идти, — сказала она, взяв рюкзак, лежащий на полу.

— А ты краситься не будешь? Женщины же красятся, когда выходят на улицу? — спросил Петр с надеждой, что они проведут вместе еще хотя бы немного времени.

— Я не крашусь в обычной жизни. Косметика — это маска. А я не люблю маски.

Когда они выходили из дома, дверь нехотя закрылась, издавая томный скрип. Петр, помявшись, задал вопрос:

— У тебя кто-то есть?

— Ну не то чтобы, — на несколько секунд она замолчала, а потом вздохнула. — Да, есть. Я не люблю его, но не могу пока закончить отношения.

— Кто он?

— Георгий, генеральный директор исследовательского центра «Gen-», где ты работаешь. Если кто-то узнает, до него дойдет очень быстро. Не распространяйся пока, особенно на работе. Хорошо?

— Ты с ним из-за денег?

— Давай потише. Мы в подъезде, не хочу соседям давать лишний повод судачить, — и продолжила, — нет, Петя, я уже вышла из того возраста, в котором деньги имеют большое значение. Все намного сложнее, я не хочу сейчас об этом говорить. Потом.

Кто-то дотронулся до его плеча. Он вздрогнул, вытащил наушники из ушей и посмотрел в лицо человека, нарушившего его кокон. Это была какая-то бабуля, которая довольно громко ругалась:

— Зачем вы тут их подкармливаете, котов этих? Еще на землю корм вываливаете. Лето, жарко, тут потом муравьи, мухи, вонь. Кошки эти плодятся, срут везде. Совсем обнаглели. Вам если жалко их, так заберите себе, пусть у вас в квартире живут.

Бабка оглядела с головы до ног молодого человека:

— Да ты вообще не отсюда, не с нашего подъезда. Иди и корми у своего, благодетель нашелся. А потом ходи, убирай за вами, придурками. Тьфу. — она смачно плюнула под ноги Петра и пошла по своим старушечьим делам.

Уже через несколько секунд Петр забыл об инциденте. Он вставил наушники в уши и удивился, что опять из его плейлиста звучала та же песня, уже другой куплет. Совпадения, мать их.

И люди увидели, что происходит,
И увидели, кто перед ними стоит.
Принято же за кого-то быть вроде,
И сделали из своих тел живой щит,
И сделали из своих тел гильотину,
И сделали из своих тел топоры
И разрубили Смерть на половины,
И бросили части в кусты.
Когда все от радости и восхищения
Разбрелись по сортирам смыть кровь
с своих рук.

«Пора. Хватит предаваться воспоминаниям. Реальность гораздо круче. И в конце концов пора расставить все точки над і. Я заставлю ее сегодня рассказать, что ее держит с Георгием, почему она не может оставить его» — пронеслось в голове Петра. Он сам удивился своему решительному настрою.

Кажется, на кухне Офелии опять зашевелились шторы.

Он нажал на кнопку домофона, но никто не открывал. Из подъезда вышла девушка с собакой, а Петр зашел. Лифт был занят, он не хотел ждать, поэтому быстро, почти бегом, поднялся по ступенькам на 5-й этаж в квартиру, где жила Офелия. Поднимаясь, он слышал, как хлопнула дверь наверху, по характерному скрипу он узнал дверь Офелии. Уже через несколько секунд он был на нужной ему лестничной клетке, в этот же момент дверь лифта закрылась. Петр не увидел, кто зашел в лифт и подумал, что это могла быть Офелия, и, возможно, она куда-то ушла. Но все же нажал на кнопку звонка ее квартиры.

Никто не открывал, он позвонил еще раз, уже смирившись с мыслью, что они сегодня не увидятся. Машинально дернул за ручку, дверь подалась и открылась. Петр тихо зашел, позвал Офелию, но никто ему не ответил. Ему стало немного тревожно. Он еще раз позвал Офелию, уже громче. Но ответа опять не было. На кухне работал телевизор, туда он и направился.

С экрана дядька в хорошем костюме и с наглой мордой рассказывал об очередном позоре военных Соседней Страны:

— «Геи в Соседней Стране: окопная правда. Рота „Голубая устрица“. Ротный против воли бойца вжарил ему под хвост. Реальность в войске Соседней Страны прорастает из всего этого другая, куда более грубая и неприглядная. Вот вам „боевой педераст“. Мы показываем это лишь потому, что все уже выложено в Сети. И никаких секретов».

Петр перевел взгляд на пол. И ужаснулся.

На полу лежала Офелия. Он склонился над ней и увидел лужу крови, вытекающую из под ее распластанного тела. Пощупал пульс — пульса нет. Чуть поодаль он увидел большой нож, и рыбу без головы.

— Твою ж, мать! — вырвалось из горла Петра каким-то чужим хриплым воем.